

Проф. М. А. Индра

Bhargava municipal college, Simla

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У АШОКИ*

В одном из своих поучений, которое входит в наскальный эдикт № VI Ашока Приядаршин провозгласил: «Я полагаю, что мне следует стремиться ко благу всех людей. И что нет для меня дела более важного, чем творить благо всему народу». Далее в том же поучении он замечает: «Всякий час, в любом месте, обедаю ли я, нахожусь ли я в покоях жен, или во внутренних покоях, совершаю ли я туалет, еду ли верхом или гуляю в саду — везде советники должны сообщать мне о делах народа. Везде буду я внимать им».

За этим стремлением творить добро не скрывается желание добиться славы или какой-либо другой мирской выгоды. Творить добро всему народу — просто долг государя. Ашока сам отвечает на вопрос: «Почему я поступаю так, как сказал перед этим?». «Знайте, что я хочу исполнить мой долг перед всеми живыми существами, я хочу принести им немного счастья здесь, в этом мире, и помочь им достигнуть блаженства в будущем».

В наскальном эдикте № X, решительно отвергая стремление к славе, он говорит: «Государь Приядаршин, возлюбленный богов, не думает, что слава и почет в этой жизни представляют большую ценность для жизни будущей. Все, чего он хочет, это, чтобы все люди постигли „дхарму“ и следовали бы ей в жизни».

Из этого ясно, что концепция государства общественного благополучия в Индии была развита императором Ашокой еще 2200 лет назад. Более того, гораздо раньше, в ведическую эпоху, эта концепция была выражена в понятии «рамараджья», которое так блестяще изложил царский наставник Бхишма Питамаха в своем прощальном поучении, произнесенном на смертном одре.

Концепция общественного блага возникла у Ашоки после покорения Калинги. До этого он был жестоким монархом, политика которого имела лишь одну цель — расширение своей империи. В наскальном эдикте № XIII упоминается, что в войне за Калингу «около 150 000 человек было уведено в плен, 100 000 убито и во много раз большее число людей по-

* Печатаю статью проф. М. А. Индра, редакция считает необходимым заметить, что при характеристике деятельности Ашоки больший учет социального и экономического развития Индии той эпохи мог бы обеспечить более глубокое разъяснение проблемы. В этой связи в одном из ближайших номеров журнала будет опубликована статья, посвященная соответствующему кругу вопросов.

гибло, оставив сотни тысяч вдов и сирот». Эти ужасные последствия вызвали у Ашоки глубокое раскаяние и угрызения совести. С тех пор он решил: «... Если бы даже сотой или тысячной доле того числа людей, которое было истреблено, погибло или попало в плен в Калинге, пришлось подвергнуться той же участи, то это теперь вызвало бы великое сожаление Возлюбленного богов».

Затем он решительно провозглашает: «Отныне для Возлюбленного богов „дхармавиджая“¹ (завоевание любовью и справедливостью) есть самая великая победа. Такую победу одержал Возлюбленный богов над всеми племенами у границ его владений: в стране Антийоки — правителя яванов, живущих в восьмистах „йоджнах“², а также над четырьмя другими правителями, такими как Турамайя (Птоломей II Филадельф, царь Египта, 285—247 гг. до н. э.), Антикопа (Антигов Гонат, царь Македонии, 300—250 гг. до н. э.) и Алика Сундар (Александр, царь Эпира, 272—255 гг. до н. э.)... Пусть знают мои сыновья и внуки, что не следует им никогда побеждать мечом. Они должны знать, что единственно правильная победа, это победа „дхармы“, ибо то, что завоевано „дхармой“ ведет к дальнейшей дружбе и любви».

В Артхашастре Каутильи (кн. 12, гл. 1) перечисляются три типа завоевания («виджай»): 1) «дхармавиджая» — когда справедливый завоеватель удовлетворяется простым почтением со стороны правителей, подчиненных его власти; 2) «лобхавиджая»³ — когда алчный завоеватель стремится лишь ограбить и захватить добычу в побежденной стране; 3) «асуравиджая»⁴ — когда завоеватель, подобный демону, упивается резней и избиением своих врагов.

В эпическую эпоху существовали жертвоприношения «ашвамедха» и «раджасуя»⁵, совершавшиеся после «дигвиджай»⁶, когда собрание царей без борьбы признавало свою зависимость от верховного повелителя.

В надписях Ашоки нет упоминаний о подобных жертвоприношениях, однако его «дхармавиджая» определенно предполагает достижение победы без кровопролития. Эти завоевания не были проявлениями грубой силы. Они пробуждали в людях стремление к взаимному согласию и гармонии. Ашока добился неожиданных результатов в подобных завоеваниях и оказался в состоянии совершать их даже за пределами своей страны, ибо он удовлетворялся тем, что во всех побежденных им землях люди следовали его наставлениям в «дхарме»: «Даже там, куда не проникают посланцы Возлюбленного богов, даже там люди, услышав об указе Возлюбленного богов, основанном на „дхарме“, и о его указаниях о том, как соблюдать „дхарму“, следуют и будут следовать ей».

Фактически «дхармавиджая» была основой концепции общественного благополучия у Ашоки. С ее помощью он овладел не только телами своих подданных, но даже их мыслями и сердцами. Это было поистине чудесное достижение, эффект которого проник и за пределы его страны. Мировая история не знает примера подобного «дхармавиджайе» завоевания, неотразимое влияние которого получило бы столь широкое распространение.

Имеющийся в нашем распоряжении эпиграфический материал позволяет выделить три основные черты социальной политики Ашоки. Первая из них заключается в том, что государство должно проявлять отеческую

¹ «Дхармавиджая» — завоевание с помощью распространения буддизма (перев.).

² «Йоджава» — мера длины, равная четырем «крошам» (15—17 км) (перев.).

³ «Победа алчности» (перев.).

⁴ «Победа демонов» (перев.).

⁵ «Ашвамедха» и «раджасуя» — жертвоприношения, совершавшиеся при принятии императорского титула (перев.).

⁶ «Завоевание мира» (перев.).

заботу о благополучии народа. В Калинском эдикте № XI Ашока прямо говорит: «Все люди — мои дети (*Ṣarve manushya mama graja*). Подобно тому, как я желаю моим собственным детям всех благ и радостей в этом и в том мире, так я желаю того же (счастья и радостей в этой и последующей жизни) всем людям».

Для обеспечения общественного благополучия государство должно было принять на себя отеческую роль по отношению к подданным, так как оно должно заботиться не только о материальном благе своего народа. Государство должно также следить за моральным и духовным состоянием подданных, обеспечивая им надлежащее воспитание и подходящую социальную обстановку.

Ашока стремился, чтобы народ говорил: «Государь наш отец. Он заботится о нашем благополучии так же, как о своем. Мы для него подобны его собственным детям» (Калинский эдикт, II).

Теория отеческой заботы государства находилась в соответствии с учениями предшествующих политических мыслителей. Сама этимология слова *graja*⁷ показывает, что оно означает «потомство», «потомок», а термин *prīra* («царь», «повелитель») употреблялся для обозначения того, кого считали отцом народа. Ачарья Чанакья высказывает ту же мысль: «Счастье государя заключается в счастье его подданных. Его благополучие — их благополучие. Интересы народа должны быть интересами самого государя. У него не может быть никаких эгоистических интересов» (Артхашастра, I, гл. 19). Согласно этому положению, правитель должен полностью отказаться от своей индивидуальности и слиться с народом. Это возможно только тогда, когда он считает себя отцом, а народ своим потомством.

Второй важной чертой политики общественного благополучия Ашоки было назначение таких должностных лиц, которые были бы готовы к самопожертвованию и служению обществу. Назначая их, он прямо говорил: «Вы поставлены служить благу многих людей. Добейтесь привязанности этих людей. Они подобны вашим детям» (Калинский эдикт, I).

Во многих других наскальных эдиктах и надписях на колоннах упоминаются должностные лица — «прадешика», «раджука», «юкта» и «раштрика», занимавшие различные административные посты. Среди них наибольшее значение имели «раджуки». Они соответствовали современным чиновникам районного масштаба. Специальное предписание им содержит эдикт на колонне: «Эти „раджуки“ должны выполнять свои обязанности искренне, не становясь добычей себялюбия и страха, неся благополучие и счастье людям и делая им добро». В том же эдикте проводится сравнение должностного лица с нянькой: «Подобно тому, как отец, вверив свое дитя п р и л е ж н о й няньке, испытывает уверенность в том, что она будет заботиться о ребенке и охранять его должным образом, так же и я, вручив свой народ высшим должностным лицам, называемым „раджука“, верю, что они будут честно стремиться к его счастью и благополучию».

Как бы ни были искренни правители страны в своих добрых намерениях, как бы ни были они воодушевлены мыслью об общественном благе, оно не может быть достигнуто, если должностные лица их погрязли в себялюбии, лишены чувства долга и одержимы страхом. Необходимо, чтобы чиновники общества были бескорыстны, бесстрашны и преданы долгу; только тогда может быть достигнуто подлинное общественное благополучие. Ашока прекрасно понимал значение этой мысли и положил ее в основу своей государственной политики.

Ашока предписывал своим чиновникам лично посещать все районы страны и вступать в прямой контакт с людьми, чтобы знать их нужды.

⁷ «Народ» (перев.).

Наскальные эдикты в Еррагуди и Рупнахте сообщают, что сам император проводил 256 дней в году в разъездах по стране и лично наблюдал за осуществлением своих благотворительных мероприятий. Он приказывал должностным лицам вступать в личный контакт с людьми, так как был уверен, что «тот, кто ленив и легко устает, не может добиться успеха в управлении государством. Они должны быть постоянно в разъездах и удовлетворять нужды народа прямо на месте» (Калингский эдикт, I).

В связи с этим Ашока уделял особое внимание двум моментам. Во-первых, должностные лица, имея дело с народом, должны поддерживать *vyavahara samata*, или равенство перед законом. Иными словами, никто не должен быть выше закона, будь то принц или нищий. Чиновникам надлежало следить за точным соблюдением закона. Во-вторых, соблюдение *danda-samata*, или «равенства наказания» (эдикт на колонне, IV). За одинаковым преступлением должно следовать одинаковое наказание, независимо от социального положения преступника. В судопроизводстве нетерпимо пристрастие. В этой связи имеется точное указание императора:

«Судебные чиновники должны постоянно и бдительно следить за отправление правосудия. Ни один невинный не должен пострадать, ни один виновный не должен избежать наказания вследствие судебной ошибки» (Калингский эдикт, I).

И снова Ашока предостерегает должностных лиц против пяти людских пороков, которые могут поколебать их честность и беспристрастие, то есть против зависти, праздности, жестокости, поспешности в действиях и неопытности. Завистливые и ленивые чиновники не могут преуспевать в достижении народного блага. Там же (Калингский эдикт, I) должностным лицам рекомендуется избегать жестокости (*akarkasha*) и злобы (*achanda*), быть великодушными и доброжелательными (*shlakshnaramba*), решая общественные дела.

Третьей характерной особенностью государственной политики Ашоки было утверждение религиозной терпимости. Император предоставил всем свободу вероисповедания, свободу проповеди и отправления религиозных обрядов. «Царь Приядаршин лично оказывал почтение приверженцам всех сект (*raschandhas*) дарами и другими знаками уважения. Он желал укрепить дух последователей всех религий».

В наскальном эдикте XII Ашока излагает следующие пять правил религиозной терпимости: 1) воздержанность в речах — корень религиозной терпимости; 2) каждому следует уважать и почитать свою религию; 3) нужно избегать поношения веры других; 4) никто не должен походя говорить о других религиях, если нет в этом необходимости; 5) если же такая необходимость возникнет, о людях другой веры следует говорить с должным почтением. «Поступая таким образом, — говорится в эдикте далее, — человек поистине возвеличивает свою собственную религию и помогает также людям других религий. Действуя иначе, человек оскорбляет свою веру и наносит ущерб вере других». Ашока твердо верил, что *samavaya eva sadhu* «истинное согласие всех религий достойно похвалы». Он желал развития всех религий и способствовал их распространению.

Следуя этому принципу своей государственной политики, Ашока, сам последователь Будды, не ущемлял интересы приверженцев других сект. Напротив, он всячески помогал им в отправление их религиозных обрядов. Пещерные эдикты Приядаршина и его внука Дасаратхи изобилуют упоминаниями о том, что «адживикам» и «ниргрантам» (джайнским монахам) были подарены пещеры в горах Кхалитака и других местах, чтобы они жили там в период дождей. Все это подтверждает, что веротерпимость была основной чертой государственной политики Ашоки.

Из истории Индии хорошо известно, что Ашока совершал добрые дела не только в своей собственной обширной империи, но и за ее границами. Исходя из вышеизложенных основ государственной политики, он не делал различий между своими подданными и всем человечеством и даже всеми живыми существами. В наскальном эдикте II содержится убедительное доказательство гуманизма его государственной политики: «Повсюду в землях, покоренных государем Приядаршином, Возлюбленным богов, а также за границами его владений, в землях Чолов, Пандьев, Сатьянутров, Кратпутров, Тамрапарни, в государствах царя яванов Антийоки и других царей, соседей Антийоки, повсюду Приядаршин учредил больницы для людей и лечебницы для животных. Для этого ввозились и выращивались лечебные травы, пригодные для людей и скота».

В седьмом эдикте на колонне дается подробное перечисление других общественно полезных дел, предпринятых императором: 1) бани были посажены вдоль дорог, чтобы дать тень путникам и животным; 2) повсеместно насаждались манговые рощи; 3) через каждые пол-кроши были вырыты колодцы с чистой питьевой водой; 4) были построены дома для отдыха путников; 5) для удобства людей и животных в ряде мест были сооружены бассейны.

Однако Ашока не удовлетворяется этими многочисленными достижениями и добавляет: «Все эти приятные и удобные вещи не более, как мелочь. Я хочу сделать гораздо больше, я хочу, чтобы все люди были счастливы, чтобы они следовали путем „дхармы“, исполненные преданности и веры».

В этом же эдикте есть упоминание о специальных должностных лицах «дхарма-махаматра», которые, выражаясь современным политическим языком, могут быть названы чиновниками ведомства общественного благосостояния. Они несли ответственность за благосостояние всех людей, включая домохозяев, аскетов, нищих, вдов, сирот, работников, монахов и родственников царя. В их обязанности входила также раздача милостыни из казны и наблюдение за моральным состоянием всех слоев общества. Они должны были следить, чтобы никому без нужды не причинялся вред несправедливым арестом или содержанием под стражей (bandhan), чтобы никто не был казнен (badna) без суда и следствия (наскальный эдикт V).

Все эти акты общественного блага звучат очень современно. Тем не менее, они являлись частью детально разработанной государственной политики, проводившейся Ашокой 2200 лет назад. Государство, которое не предпринимает таких же или подобных действий, направленных к общественному благу, не может быть названо государством общественного благополучия. В свободной Индии «колесо дхармы» Ашоки заняло достойное место на национальном знамени, символизируя волю и решимость нации построить государство общественного благополучия в своей стране. Та же мысль выражена в основных принципах новой Конституции. Сможем ли мы воплотить в жизнь идеи Ашоки о государстве общественного благополучия?

